

В.В Вольчик

д.э.н., профессор, Южный федеральный университет

Е.В. Фурса

к.э.н., доцент, Южный федеральный университет

ИДЕОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

Аннотация. В статье развиваются подходы нарративной экономики к анализу идеологии как важной составляющей теоретических нарративов в экономической науке. С одной стороны, многие экономисты признают, что влияние идеологии на научные исследования нельзя совсем элиминировать, а с другой, идеология продолжает рассматриваться как нечто препятствующее объективным научным исследованиям. Однако идеологии, непосредственно связанные с коллективными и индивидуальными интересами акторов, формируют картину мира через призму ментальных моделей, которая релевантна для приверженцев той или иной идеологической позиции или установки. В данной статье на основании нортковского подхода к определению идеологии авторы предлагают рабочее определение идеологии. Идеология — это общие ментальные модели для групп индивидов. Группы индивидов через ментальные модели объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами для проведения политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (научные школы, политические организации и т.д.) и их действия по установлению и продвижению предполагаемых или реальных связей между средствами и результатами. Идеология в социальных науках часто принимает форму теоретических нарративов, которые можно рассматривать как одну из форм исследовательских нарративов, использующихся в практике нарративной экономики. Теоретический нарратив в рамках экономической теории сильно отличается от нарративов, с которыми работают лингвисты. Для экономистов, которые используют понятие нарратива, существенно, какие идеи, мораль или правила транслируются вместе с историей или нарративом. И здесь очень важно, как теоретические составляющие или упрощённые модели связаны с историческими или национальными контекстами. Теоретические нарративы или тесно связаны, или включают элементы исторических нарративов. В совокупности с теоретическими, исторические нарративы позволяют реконструировать и создавать объяснения важных исторических событий для продвижения той или иной идеологической повестки. В статье на примере идеологий социализма и неолиберализма рассматриваются теоретические нарративы, которые имеют идеологическую составляющую и используются для оправдания проводимой экономической политики и объяснения важных закономерностей развития российского хозяйственного порядка.

Ключевые слова: идеология, экономическая наука, теория, нарративы, ментальные модели, научные школы.

JEL: B2, B4, E6, P5

УДК: 330.101, 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21

© В.В. Вольчик, Е.В. Фурса, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вольчик В.В., Фурса Е.В. Идеология и теоретические нарративы в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.

FOR CITATION: Volchik V.V., Fursa E.V. Ideology and Theoretical Narratives in Economics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Введение

Идеология имеет значение для развития науки и научного знания. Однако в научном сообществе нет консенсуса, какое это значение: положительное, отрицательное, нейтральное, нормативное или политически мотивированное. В социологии науки долгое время существует и обсуждается подход Дж. Кангилема [*Canguilhem*, 1988] к научной идеологии. Она существует в двух воплощениях: в первом она предшествует науке, а во втором паразитирует на ней. Первый тип идеологии включает в себя системы идей, которые занимают ту же область, что и наука, но которые не являются полностью научными в методологическом и операциональном плане. В качестве примеров этого типа идеологии Кангилем привёл атомистические теории Демокрита и Лукреция. Другой тип научной идеологии паразитирует на науке, поскольку распространяет научные теории на области, которые не входят в их компетенцию. Примером этого типа идеологии является теория эволюции Герберта Спенсера. Спенсер расширил область применения законов, которые принадлежали эмбриологии и биологии, на всю совокупность человеческого опыта [*Sauerland*, 2015. P. 67]. Такой подход к научной идеологии в целом выводит идеологию за рамки собственно науки: её теорий, моделей и методологии. Истоки данного подхода также можно соотнести с известной марксистской трактовкой идеологии как «ложного сознания».

Является ли идеология важной составляющей теоретических нарративов в экономической науке (общественных науках)? Для того чтобы проанализировать влияние идеологии на теоретические и методологические основания экономической науки, необходимо опираться на чёткое понимание концепта идеологии. В данной работе мы развиваем подходы нарративной экономики к анализу идеологической составляющей в экономической науке.

Идеологии в экономической науке

В экономической науке на протяжении долгого времени складывалось негативное отношение к проблеме идеологии. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, идеология, которая ассоциируется с политическими движениями и властью, определяется как внешний элемент относительно научного знания. Поэтому она рассматривается отдельно от теории и собственно науки. Во-вторых, идеология, которая ассоциируется с мировоззрением, также выходит за рамки предмета экономической науки. В-третьих, идеология связана с ценностными и плохо формализуемыми факторами, что затрудняет моделирование и препятствует строгости научных построений.

Наиболее известными и влиятельными в экономической науке остаются соображения Й. Шумпетера относительно места идеологии в научных исследованиях: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись» [*Шумпетер*, 2012. С. 264]. Авторитет Й. Шумпетера способствовал тому, что в дальнейшем сформировалось двойственное отношение среди учёных-экономистов к проблеме идеологии. С одной стороны, многие признают, что влияние идеологии на научные исследования нельзя совсем элиминировать, а с другой — идеология продолжает рассматриваться как нечто, препятствующее объективным научным исследованиям.

Также в экономической науке существует подход, согласно которому та или иная идеология ассоциируется с конкретной научной школой или, по выражению У. Сэмюэlsa,

«фундаментальной парадигмой» [Samuels, 1992. P. 239]. Такое понимание идеологии отражается в следующем определении: «Таким образом, идеологию в широком смысле можно рассматривать как охватывающую наши конечные представления о природе экономического порядка и процессов. Она определяет экономическую реальность и ценности, и делает это таким образом, что чрезвычайно трудно отделить утверждения о фактах от утверждений о ценностях. Каждый тип утверждений маскируется под другой в борьбе за последовательность и единообразие» [Samuels, 1992. P. 236].

В странах с государственной идеологией её влияние на науку и особенно на общественные науки всегда было значительным. Например, в СССР марксистско-ленинская идеология всецело определяла направленность и даже возможность тех или иных экономических исследований. Поэтому в ранний постсоветский период в среде российских экономистов доминировало негативное отношение к идеологии. Однако, если об идеологии не говорят явно, она может, вследствие многих исторических и институциональных особенностей той или иной страны или групп стран, не только присутствовать, но и доминировать в имплицитной форме.

По мере развития новой институциональной экономической теории и росту её влияния снова появился интерес к проблематике идеологии. Это связано прежде всего с именем и работами нобелевского лауреата Д. Норта. У Норта также можно найти наиболее чёткое и непротиворечивое определение: «Идеологии — это имеющиеся у групп индивидов общие рамки ментальных моделей, которые обеспечивают как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» [North, 1994. С. 363].

В трактовке Д. Норта идеологии (как общие ментальные модели) могут быть также соотнесены с институтами. Институты, как и идеологии, прежде всего связаны с упорядочиванием повторяющихся социальных взаимодействий, но имеют несколько иную природу: «Между ментальными моделями и институтами существует тесная взаимосвязь. Ментальные модели — это внутренние представления, которые индивидуальные когнитивные системы создают для интерпретации окружающей среды; институты — это внешние (по отношению к разуму) механизмы, которые создают люди для структурирования и упорядочения окружающей среды» [North, 1994. P. 363]. Важность общих ментальных моделей определяется прежде всего тем, что они связаны с коллективными действиями: «Ментальные модели включают категории, концепции, идентичности, прототипы, стереотипы, причинно-следственные связи и мировоззрения. Без ментальных моделей мира люди не смогли бы принимать большинство решений в повседневной жизни. А без общих ментальных моделей во многих случаях людям было бы невозможно создавать институты, решать проблемы коллективных действий, испытывать чувство принадлежности и солидарности или даже понимать друг друга...» [World Bank, 2014].

Идеологии непосредственно связаны с коллективными и индивидуальными интересами акторов, но, что ещё более важно, через призму ментальных моделей формируется картина мира, которая релевантна для приверженцев той или иной идеологической позиции или установки: «Политические и экономические акторы непосредственно ведут себя в соответствии с ментальными моделями того, что, по их мнению, максимизирует их выгоды и минимизирует потери. Такие факторы, как информационные издержки, ограниченность кругозора, ранее существовавшие предубеждения, парадигмы обучения и образовательная подготовка, создают когнитивные фильтры, которые влияют на то, как люди пытаются понять политические, социальные и экономические события, происходящие с ними» [Roy, Denzau, 2020.С. 328].

Для того чтобы идеология была действенной, необходимо распространение общих ментальных моделей среди широкого круга сторонников, которые осуществляют постоянную коммуникацию: «Слова, используемые для передачи идей ментальной модели, исполь-

зуются многократно, поскольку сторонники обсуждают свои идеи между собой, как устно, так и письменно. В результате ментальные модели двух людей должны стать более похожими... Ментальные модели передаются посредством коммуникации, а коммуникация позволяет создавать идеологии и институты в процессе совместной эволюции» [Denzaui, North, 1994. P. 20].

Исходя из вышесказанного мы используем следующее рабочее определение: *идеология* — это общие ментальные модели для различных групп индивидов. Через ментальные модели индивиды объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами для проведения политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (это могут быть научные школы, политические организации и т.д.) и их действия по установлению и продвижению предполагаемых или реальных связей между средствами и результатами.

Теоретические нарративы

Идеология в социальных науках часто принимает форму теоретических нарративов. Теоретические нарративы можно рассматривать как одну из форм исследовательских нарративов, которые используются в практике нарративной экономики [Вольчик, 2022].

В рамках нарративной экономики в исследовательских целях рассматривается несколько типов нарративов. Согласно традиции, заложенной Р. Шиллером [Shiller, 2017; Shiller, 2019], а также Дж. Акерлофом и Д. Сноуером [Akerlof, Snower, 2016], нарративы содержат информацию о социальных контекстах различных экономических явлений и могут принимать форму упрощённых протомоделей или протонарративов.

В оригинальной институциональной экономической теории широко используется дискурсивный анализ как один из подходов качественных исследований институтов. Например, известный представитель институционализма В.М. Ефимов характеризует дискурсы и нарративы как источники данных об институтах: «Для нас здесь важно только понять, что с помощью дискурсов и нарративов фиксируются и передаются правила/привычки и связанные с ними верования-убеждения, которые исследователь и должен выявить с помощью анализа дискурсов и нарративов» [Ефимов, 2016. С. 43]. Однако в философской традиции понятие дискурса шире понятия нарратива. В определении дискурса обычно подчёркивается его роль в «лингвистическом производстве» в процессе человеческой коммуникации: «Дискурс является наиболее общей категорией лингвистического производства. Человеческие существа общаются посредством большого числа способов, включая вербальный. Как правило, вербальное общение происходит одновременно и независимо от других материальных и символических способов, именно в этом смысле мы называем лингвистический продукт (как процесс, так и результат) дискурсом» [Брокмейер, Харре, 2000. С. 31]. Нарратив в такой трактовке становится более узким понятием, связанным с более широким — дискурсом: «Мы рассматриваем нарратив как подвид дискурса, но как вид наивысшего уровня или классифицирующего понятия в таксономии нарративных форм более низкого уровня» [Брокмейер, Харре, 2000. С. 31].

Научный дискурс, таким образом, содержит теоретические нарративы, которые Р. Шиллер ассоциировал с упрощёнными экономическими протомоделями. Понятие теоретического нарратива уже понятия научного дискурса. Но использование понятия теоретического нарратива оправдано, чтобы сконцентрировать внимание на конкретной научной проблеме и её решении в плане исторического и идеологического контекста.

В современных социальных науках мы находим достаточно много примеров использования концепта теоретического нарратива: «Традиционно дисциплины, ориен-

тированные на человека (психология, антропология, экономика, лингвистика, семиотика, социология, медицина, социальная нейронаука и многие другие), характеризуют модели как нарративы. В нарративе описываются действующие лица и сущности, а также роли, которые они играют в событиях, и соответствующие свойства событий. Нарратив включает в себя понимание более широкого контекста и мотивов, обсуждений и намерений действующих лиц» [Steels, 2022. P. 21–22].

Однако научный нарратив в рамках экономической теории довольно сильно отличается от нарративов, с которыми работают лингвисты. Для экономистов, которые используют понятие нарратива, существенно, какие идеи, мораль или правила транслируются вместе с историей или нарративом. И здесь очень важно, как теоретические составляющие или упрощённые модели связаны с историческими или национальными контекстами. Поэтому теоретические нарративы или тесно связаны, или включают элементы исторических нарративов. В совокупности с теоретическими исторические нарративы позволяют реконструировать и создавать объяснения важных исторических событий для продвижения той или иной идеологической повестки. В научной литературе присутствует интересный взгляд на идеологическую нагруженность исторических исследований: «Современная эпистемология исторического знания выявила фиктивную реальность исторической науки, теоретическую нагруженность фактов и предзаданность интерпретаций. Доказана неустранимость идеологического стержня исторических реконструкций» [Баранец, Верёвкин, 2018. С. 185]. Поэтому форма теоретического нарратива чаще всего тесно связана с идеологией в понимании Д. Норта и его научной традиции.

Использование теоретических нарративов позволяет обращать внимание научного сообщества на проблемы, которые по тем или иным причинам выпадают из предмета исследований или находятся на периферии экономической науки. С помощью продвижения теоретического нарратива можно не только привлечь внимание широкой научной общественности на проблему, но также стимулировать новые направления исследований: «Посредством фирмы осуществляется отказ от простых чисто рыночных взаимодействий, чтобы сэкономить на транзакционных издержках, используя гибкие властные полномочия для устранения неопределённости. Этот теоретический нарратив вдохновил экономистов на более детальное рассмотрение организации фирм как взаимосвязи власти/иерархий и рынков» [de Vries, 2023. P. 179].

Форма теоретического или аналитического нарратива очень полезна в том случае, если необходимо связать логику тех или иных теорий с конкретными историческими и социальными контекстами, что может иметь большой эффект, например, в сфере преподавания экономических дисциплин [Kurien, 2019].

Концепт теоретического нарратива в научных дискуссиях может использоваться для «навешивания» идеологических или политических ярлыков. Например, у Дж. Ходжсона мы находим интересный аргумент против ассоциации гетеродоксальной экономической теории с левыми политическими течениями: «С неспособностью установить чёткую теоретическую идентичность для гетеродоксальности, слишком заманчиво использовать левую идеологию как альтернативный клей, чтобы связать людей вместе. Но чтобы достичь этого, необходимо сфабриковать ложный теоретический нарратив, где неоклассическая экономика считается обязательно “правой”. Это формирует неправильное понимание неоклассической теории и подрывает цель научного прогресса» [Hodgson, 2019. P. 160].

Далее мы рассмотрим, как теоретические (включая связанные с ними исторические) нарративы в своей совокупности используются для оправдания проводимой экономической политики и объяснения важных закономерностей развития российского хозяйственного порядка.

Примеры теоретических и исторических нарративов

В российской экономической науке, сформировавшейся под влиянием политических, экономических, социальных и исторических факторов, наблюдаются группы теоретических нарративов, которые отражают различные идеологические точки зрения на формирование экономической политики и хозяйственного порядка. Эти идеологемы образуют своеобразный набор нарративов, сочетающих догматы марксистского учения, идеалы построения рыночной экономики, поиск собственного пути, а также глобальные мировые тренды, влияющие на социально-экономическое развитие страны. В качестве гипотезы авторы выделяют пять доминирующих идеологий (неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь и экологизм), распространённых в современной российской экономической науке, чтобы в дальнейшем на базе анализа корпуса научных текстов за период 1992–2023 гг. проследить эволюцию идеологических нарративов. В основе классификации доминирующих идеологий лежат релевантные ценности, характерные для различных экономических порядков [Robbins, 1994; Robbins, 2007]. Идеологию можно представить, как иерархическую систему, в основе которой лежит верховная ценность, которая объединяет идеи и другие ценности [Dumont, 1980; Казаков, 2023. С. 328]. Так, на основе экспертного мнения авторов, верховной ценностью неолиберальной идеологии является рыночная эффективность, социализм базируется прежде всего на равенстве и справедливости, в качестве ценности идеологии дирижизма учёные выдвигают планирование, ведущее к благосостоянию. Идеология особого пути развития связана с национальной идентичностью и поиском новых возможностей для экономического роста, а экологизм, отражающий мировые экономические тренды, в качестве верховной ценности выдвигает сохранение окружающей среды для потомков.

Остановимся на примерах теоретических нарративов, которые лежат в основе двух самых распространённых идеологий в российской экономической науке (социализм и неолиберализм), которые отражают значительный спектр актуальных социально-экономических взаимодействий в обществе.

Современная российская экономическая наука прошла непростой путь, начиная от господства идей, связанных с построением социалистической экономики до кардинальной смены ценностей всего общества на неолиберальные. Несмотря на формальный отказ от идеологии социализма как государственной, в теоретических нарративах российских экономистов продолжают звучать отголоски марксистских и социалистических принципов построения экономики. Идеология социализма, приобретая множество других видов, остаётся востребованной, реализуясь в других странах, и продолжает оказывать огромное влияние на развитие экономической науки [Клисторин, 2015. С. 95]. Так, например, А.В. Бузгалин выделял следующие основные направления в изучении социализма в экономических исследованиях:

- ▶ социализм как разные варианты отождествления теоретической модели социализма с «реальным» социализмом, который наблюдался ранее в разных странах;
- ▶ социализм как трактовка процессов движения к социальной справедливости;
- ▶ социализм как теоретические модели посткапиталистического общества, предполагающие снятие социально-экономических основ отчуждения [Бузгалин, 2009].

Идеология социализма транслирует теоретические нарративы, связанные с социальной справедливостью и социальным равенством, достижение которых реализуется посредством государственного регулирования и общественной собственности на средства производства. Кроме того, экономическая идеология социализма предполагает построение централизованной плановой экономики. Подобные теоретические нарративы связаны с социализмом марксистского толка и широко представлены в российских экономических исследованиях. При анализе теоретических нарративов идеологии социализма также сле-

дует разделять нарративы государственного и рыночного социализма [Вольчик, Ширяев, 2024]. Идеология государственного социализма связана с принципами построения плановой экономики, отдаётся предпочтение централизованному планированию. Рыночный социализм предполагает наличие рынка, деятельность которого может регулироваться со стороны государства, также сохраняется частная собственность, которая регламентируется частично государством. Теоретические нарративы о рыночном социализме отображаются в идеологии построения социализма с китайской спецификой, а также в программах Л.И. Абалкина и др. [Вольчик, Ширяев, 2024]. В настоящий момент среди теоретических нарративов, характеризующих идеологию социализма, преобладают в основном две точки зрения: одна отображает положительное влияние идеологии социализма на экономическое развитие, другая придерживается критической точки зрения на развитие советской политэкономии и социалистической экономики. В своих исследованиях Р.М. Нуреев и П.А. Ореховский отмечают, что «в 1970-е гг. политэкономия социализма оказалась в когнитивном тупике, что, с одной стороны, вело к воспроизводству всё более изощрённых марксистских идеологем, с другой — закрывало возможности продвижения к варианту “социализма с китайской спецификой”» [Нуреев, Ореховский, 2021. С. 185]. Авторы подчёркивают, что социалистическая экономика не имела достаточной теоретической базы для понимания всех закономерностей и особенностей функционирования собственной системы. Так, первый учебник по политической экономии вышел только в 1954 году и, по мнению авторов, не давал ответы на многие вопросы, связанные со строительством социализма и его содержательной формой. «В сущности, учебник представлял собой бодрийеровский симулякр — “копию”, не имеющую оригинала в реальности... Поскольку никто не знал, что такое социализм, в качестве такового можно было предъявить реальность практически любой национальной экономики — например, Англии, ФРГ, Швеции, а не только СССР» [Нуреев, Ореховский, 2021. С. 187–189]. Авторы отмечают, что «к 1970-м гг. советская политэкономия исключила важнейший необходимый элемент развития любой научной дисциплины — возможность критики и уточнения положений предшественников». Так, дискурс о развитии социалистического товарного производства, который в настоящее время определяют как китайский социализм, подвергся жёсткой критике и не получил дальнейшего развития [Нуреев, Ореховский, 2021. С. 187–189].

После 30 лет критики советской идеологии в научной среде начинают циркулировать теоретические нарративы, транслирующие дискуссии о возрождении социализма. Так, А.И. Колганов в своей работе «Что такое социализм?» подчёркивает, что «социалистическое общество пока не является полномасштабной реальностью, и материал для его изучения поневоле ограничен. Всё, чем мы располагаем для этого — некоторые выводы из тенденций и противоречий развития предшествующих исторических эпох, и исторически краткий (около 70 лет) опыт попытки построения социалистического общества» [Колганов, 2012. С. 224]. Автор также делает оптимистичный вывод, что «сложившаяся в России неэффективная модель капитализма сама питает культурную оппозицию капитализму», а в дальнейшем «постиндустриальные тенденции создают новые предпосылки для перехода к социалистическому обществу» [Колганов, 2012. С. 386].

М.И. Воейков в своих исследованиях подчёркивает роль государства как главного регулятора экономики, задачей которого является осуществление народнохозяйственного планирования экономики, благодаря которому СССР в прошлом смог стать мощной индустриальной державой [Воейков, 2022. С. 9–11]. В современных реалиях автор сравнивает народнохозяйственное планирование с цифровой экономикой: «Сейчас много пишут о цифровой экономике, причём вкладывая в это понятие самый разный смысл. Когда же знакомишься с работами тех людей, которые в 1920-х гг. стояли у истоков советского планирования (а это были В.А. Базаров, В.Г. Громан, Г.М. Кржижановский, С.Г. Струмилин и др.), можно понять, что они пишут именно о цифровой экономике. До пятилетнего

плана в Советском Союзе составлялись ежегодные планы, которые назывались “контрольными цифрами” на соответствующий год» [Войков, 2022. С. 9–11]. Также значимость народнохозяйственного плана отмечает А.А. Пороховский: «...выдающимся достижением советского строя стало создание единого народнохозяйственного комплекса на всей территории страны с последующим подключением к нему стран Совета Экономической Взаимопомощи» [Пороховский, 2022. С. 24].

Всё больше экономистов продвигают необходимость государственного регулирования экономики: «главная особенность современного хозяйственного механизма состоит в переходе от стихийно действующего механизма к регулируемому типу развития, в сочетании полезных свойств рыночного механизма с механизмом сознательного регулирования хозяйственных процессов на основе планирования на корпоративном и государственном уровне» [Елисеев, 2017. С. 70–71].

Проведённый анализ теоретических нарративов о социализме свидетельствует о всё большем распространении этой идеологии в противовес неолиберальной доктрине, доминирующей в течение 30 лет в российской экономической науке.

На экономическое развитие многих стран мира большое влияние оказывает неолиберализм, который по признанию российских и зарубежных экономистов является господствующей идеологией и содержит следующие основные идеологемы: рыночная экономика обладает наибольшей эффективностью; конкурентный рынок как механизм обеспечивает функционирование экономики; необходимо сокращать государственные расходы; сохранять нерушимость частной собственности и личные свободы при соблюдении правовых норм государства [Капелюшников, 2022; Turner, 2008].

Неолиберальные теоретические нарративы появились в российской экономической науке с начала проведения «шоковой терапии», в основе которой лежал Вашингтонский консенсус, сформулированный в 1989 г. Дж. Уильямсоном в качестве рекомендаций для проведения экономической политики в странах Латинской Америки. Программа ускоренных рыночных реформ, представляющая собой неолиберальный манифест мейнстрима экономической науки, по мнению разработчиков, представляла собой «благоразумную макроэкономическую политику, ориентацию на открытую экономику и капитализм свободного рынка» [Ананьин, Хаиткулов, Шестаков, 2010. С. 16]. Эта идеологическая программа содержала теоретические нарративы реформирования российской экономики и основывалась на правилах, которые были интегрированы политиками в российскую экономику: быстрая либерализация цен и внешней торговли, приватизация, ограничение государственного регулирования, сокращение бюджетных расходов на социальные проекты, жёсткая монетарная политика, контроль над инфляцией, защита прав собственников, создание валютных резервов и др.

Реформаторы, которые пытались осуществить программу по переходу к рыночной экономике, в своих нарративах декларировали неизбежность и необходимость реализации именно шоковой терапии, включающей уменьшение роли государства в реализации экономической политики. Так, отдельные экономисты оправдывали выбор радикального варианта экономических преобразований следующими нарративами: «К концу 1991 года градуалистская трансформация иерархически организованной экономической системы в рыночную путём параллельного осуществления институциональных и стабилизационных мер была практически невозможной ... полное разрушение финансовой системы не оставляло времени для институциональной трансформации, призванной дополнять радикальную либерализацию экономики» [Экономика переходного периода, 1997. С. 115]. Российский экономист В. Мау отмечал, что проводимая политика спасла российскую экономику от полного краха: «Главное, чего удалось добиться в результате первых шагов экономических реформ — преодолеть товарный дефицит и отвести угрозу надвигающегося голода зимой 1991–1992 гг., а также обеспечить внутреннюю конвертируемость рубля» [Мау, 1999. С. 10].

Негативные последствия от «шоковой терапии» реформаторы связывали прежде всего со структурными проблемами, которые достались в наследство от советской экономики. В частности, они отмечали, что «важными факторами нарастания бюджетных диспропорций накануне распада социалистической системы было падение цен энергоносителей и сырья на мировом рынке во второй половине 80-х годов, ошибки экономической политики, рост оборонных расходов, техногенные и природные катаклизмы и др.» [Экономика переходного периода, 1997. С. 119–120]. «Падение ВВП в России в 1992–1996 годах происходило вследствие структурных сдвигов, независимо от проводимой бюджетной и денежно-кредитной политики, и потому не могло быть предотвращено стандартными мерами государственного вмешательства» [Экономика переходного периода, 1997. С. 120].

Кроме того, ряд финансовых и экономических проблем, наблюдавшихся в стране, политики связывали с низкой адаптивностью экономических агентов к проводимым реформам. «В большинстве случаев руководство предприятий просто оказалось не способно адекватно оценить последствия происходивших изменений, надеясь на быстрое свёртывание реформ». «Резкое повышение уровня цен в 1992 году привело к обесценению оборотных средств, от которого пострадали в равной мере все предприятия. Их реакция на данный “шок” выявила различия в поведении, компетентности и стимулах менеджмента» [Экономика переходного периода, 1997. С. 120–122].

В то же время ряд российских экономистов рассматривает программу Вашингтонского консенсуса как рекомендации, не имеющие научного анализа, не учитывающие национальную специфику, институциональные ограничения. «Шоковая терапия» оказалась неэффективной, что подтверждалось историческим опытом и о чём неоднократно заявляли российские и зарубежные экономисты, характеризуя эту программу как неолиберальную идеологию [Полтерович, 2017. С. 58]. Е.В. Якимова и А.М. Пономарева отмечают в своей статье о неолиберализме, что с 1965 по 1995 гг. программа Вашингтонского консенсуса была реализована в 89 странах, однако в 48 странах после реализации этой программы социально-экономическая ситуация не изменилась, а в 32 странах наблюдались ухудшения [Якимова, Пономарева, 2019]. В.М. Полтерович отмечает в своих работах, что во время проведения рыночных реформ авторитетные российские и западные экономисты, включая нобелевских лауреатов, несколько раз обращались к российскому правительству с предложением об отказе от программы «шоковой терапии», которая не оправдала себя, прекращения политики невмешательства государства и переходу к ориентации на экономические программы смешанных экономик [Полтерович, 2017. С. 58].

В своих работах С.Ю. Глазьев отмечает идеологичность проводимой в России в условиях перехода к рынку политики, которая пришла на смену социалистической идеологии: «Вашингтонский консенсус сыграл фундаментальную роль в нашей экономической реформе. Именно как идеология. Может быть не столько как теория или как детальный набор рекомендаций, который постулировался Международным валютным фондом и затем переписывался в известных заявлениях российского правительства и Центробанка, а именно как целостная система идеологии» [Глазьев, 1998. С. 40].

Несмотря на критику «шоковой терапии» со стороны научного сообщества, её сторонники всё равно продолжали реализацию своей программы, дополнив последнюю тезисами об улучшении качества и создании новых институтов, регулирующих функционирование российской экономики. Предполагалось, что подобные изменения можно достичь с минимальными издержками за короткий период, независимо от национальных особенностей и действующих старых институтов [Полтерович, 2017. С. 59]. Так, В.М. Полтерович даёт следующую оценку проводимым изменениям: «По существу, мы имеем дело с новым, ослабленным вариантом шоковой терапии — идеологией, которую, используя термин Стиглица, можно назвать институциональным рыночным фундаментализмом» [Полтерович, 2017. С. 59].

Несмотря на неоднозначную оценку проводимым реформам по переходу к рыночной экономике в России и других странах, теоретические нарративы неолиберальной идеологии, связанной с Вашингтонским консенсусом, до сих пор циркулируют в научном сообществе и доминируют в сознании некоторых политических элит. Так, польский исследователь Е. Казьмерчик в своей статье «Неолиберализм жив? Принципы и Вашингтонский консенсус» исследовал причины популярности неолиберальной доктрины и провёл социологический опрос среди польских экономистов-исследователей для оценки степени распространения неолиберальных идей, получивших отражение в Вашингтонском консенсусе [Kazmierczyk, 2018]. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов поддерживают принципы, содержащиеся в консенсусе, и считают, что для эффективного функционирования современной экономики нужно придерживаться неолиберальной доктрины.

Неолиберальные теоретические нарративы неоднократно использовались как аргумент в дискуссиях о направлениях и мерах проведения реформ и экономической политики. Так, в рамках теории экономики предложения был сформулирован тезис, основанный на оптимистических теоретических основаниях о сильной реакции экономических акторов на снижение налогов в условиях высокого налогового бремени [Laffer, Seymour, 1979]. Этот нарратив использовался для обоснования неолиберальной реформы рейганомии и получил в дальнейшем широкое распространение [Shiller, 2019]. В академическом сообществе сложилось неоднозначное отношение к кривой Лаффера, начиная от жёсткой критики со стороны авторитетных экономистов, включая П. Кругмана и Дж. Стиглица, до использования этого тезиса при оправдании проводимых экономических преобразований [Соколов, 2010; Васильев, 2009]. Отдельные экономисты встраивают теорию экономики предложения в ряд других теорий или строят математические модели, опровергающие или подтверждающие теорию А. Лаффера [Балацкий, 2003; Ананиашвили, Папава, 2010; Мазур, 2007].

Рассмотрим ряд теоретических нарративов, циркулирующих в научной среде, которые отражают идеологическое содержание неолиберальной концепции кривой Лаффера. Так, В.С. Автономов отмечает, что кривая Лаффера представляет собой своего рода абстракцию, в частности: «“экономика предложения” 1980-х гг. была построена на упрощённом представлении о реальном экономическом поведении. Кривая Лаффера была основана на вере в то, что единственным фактором, определяющим поведение экономических субъектов, является ставка налоговых отчислений. Это сильная абстракция, но не идеализация» [Автономов, 2013. С. 161].

Экономисты заявляют об идеологичности применения кривой Лаффера для обоснования проводимой экономической политики. Б.А. Букач в своих исследованиях отмечает: «Поскольку общая концепция кривой Лаффера имеет ярко выраженную идеологическую окраску, и она неоднократно использовалась республиканской партией США в предвыборной кампании, то для лучшего усвоения электоратом её сущности широко использовались патриотические метафоры... В результате таких действий в общественном сознании действительно удалось создать иллюзию наличия в экономике чрезмерного завышенного налогового бремени и крайне неэффективной системы социальной защиты населения. Далее предлагалось элегантное решение “гордиевого узла” этих проблем — кривая Лаффера» [Букач, 2014. С. 58].

Кривая Лаффера, несмотря на неоднозначное отношение со стороны экономистов, остается привычным инструментом, который используется при анализе проблем налогообложения, а также имеет широкое распространение в образовательной среде — в многих учебниках по макроэкономике есть информация об этой концепции. В России кривая Лаффера также нашла своё отражение при реализации трансформационной политики. Так, например, в бюджетной политике 2004 г. отмечалось, что «сохранится курс на дальнейшее снижение налогового бремени... Это придаст новый импульс инвестиционной активности,

усилит мотивацию роста прибыли и отказа от теневой хозяйственной деятельности, будет стимулировать инновационную деятельность и развитие высоких технологий. Тем самым будут созданы необходимые условия для диверсификации структуры экономики и ее дальнейшего роста»².

Ещё больше в научной литературе распространились дискуссии относительно кривой Филлипса и различных её модификаций, связанных как с конкуренцией научных школ, так и политическими процессами [Gordon, 2011]. Более того, именно теоретические нарративы, отражающие в упрощённой форме содержание разных модификаций кривой Филлипса, использовались преимущественно в политических кругах для обоснования реформ [Summa, Braga, 2020]. Однако П. Самюэльсон и Р. Солоу отмечали в своих исследованиях, что наличие отрицательной зависимости между безработицей и инфляцией может использоваться в качестве тезиса при проведении экономической политики только в краткосрочном периоде [Samuelson, Solow, 1960]. В российской практике реализации мер экономической политики теоретический нарратив кривой Филлипса использовался в дискуссиях реформаторов и их противников в ходе проведения шоковой терапии по переходу к рынку в России в 90-х гг. [Кара-Мурза, 2014]. Наличие обратной зависимости между уровнем безработицы и уровнем инфляции стало проявляться в российской экономике только со второй половины 2000-х гг. [Гафаров, 2011. С. 155–156]. В своей статье «Кризис экономической теории» В.М. Полтерович, рассуждая о природе кризиса, приводит в качестве примера кривую Филлипса, которая «много лет рассматривалась как твёрдо установленный факт и являлась постоянной компонентой теоретических моделей. Однако с течением времени простота исходной закономерности исчезла. Большинство экономистов перестало верить в стабильность кривой Филлипса. Более того, в ряде последних исследований авторы стремятся показать наличие отрицательной связи между инфляцией и темпами роста производства, что плохо согласуется с логикой кривой Филлипса» [Полтерович, 1998. С. 59]. Российские экономисты отмечают в своих работах непосредственную связь теоретического нарратива кривой Филлипса с идеологией. Так, В.З. Баликоев отмечает, что «многие «выдающиеся» открытия в экономической теории совершались по идеологическому заказу. К таким открытиям относится и знаменитая кривая Филлипса» [Баликоев, 2014. С. 4–5].

Таким образом, на фоне распада СССР и смены политического режима в странах бывшего социалистического лагеря, идеологическая компонента в экономическом развитии, несмотря на её критику, получает новые формы и содержание. Идеи неоллиберализма в явной или не явной форме продолжают формировать экономическую повестку и развитие многих стран мира. «Фактически неоллиберализм становится распространённой идеологией государственной бюрократии» [Вольчик, 2023. С. 15].

Заключение

Проблема состоит не только в том, что идеология негативно влияет на научное знание. Если идеология предшествует постановке научной проблемы [Шумпетер, 2012], созданию дизайна исследования и проникает в теорию через ту или иную фундаментальную парадигму [Samuels, 1992. P. 239], то, может быть, вполне рациональной стратегией является акцент на выявлении идеологических оснований?

² Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 мая 2003 года «О бюджетной политике в 2004 году» (п. 4). Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22009>.

Исследования по приданию идеологических оснований тех или иных теорий или их совокупностей явной формы приобретает ещё большую важность в условиях бурного развития средств коммуникации. Идеи, «которые правят миром», могут не только быть отражением теоретического наследия экономистов прошлого. Не менее важным по степени воздействия на экономическую политику и общественное развитие становится сознательное продвижение идеологием, которые облечены в одежды «настоящей объективной науки». Намеренные искажения в средствах массовой информации для большей убедительности связываются с теми или иными теориями и объяснительными моделями.

Негативное отношение к идеологии уводит от содержательного анализа генезиса и последствий использования идеологием в сторону споров о добре и зле. И здесь можно согласиться с П.А. Ореховским, что «идеологическое» отождествляется с плохим, фальшивым, корыстным; напротив, понятие «научный» идентифицируется как хорошее, честное, благородное» [Ореховский, 2020. С. 9].

Научное знание обладает значительным авторитетом, особенно в контексте разнообразной экспертной деятельности. Учёные-экономисты в своих трудах и публичных выступлениях в явной или неявной форме продвигают разнообразные теоретические нарративы, через которые объясняются текущие события, меры экономической политики и создаётся образ будущего в плане возможностей и перспектив прогрессивного развития.

Влияние идеологических установок, транслируемых через экономическую науку, сказывается на важном вопросе о прогрессе или регрессе, к которому ведут те или иные теоретические нарративы.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Автономов В.С. (2013). Абстракции в экономической науке [Autonomov V.S. (2013). Abstractions in Economic Science] // Журнал НЭА. Т. 17. №1. С. 160–162.
- Ананиашвили Ю.Ш., Папава В.Г. (2010). *Налоги и макроэкономическое равновесие: лафферо-кейнсианский синтез* [Ananiashvili Yu.Sh., Papava V.G. (2010). Taxes and Macroeconomic Equilibrium: Laffer-Keynesian Synthesis]. — Стокгольм: ИД СА&СС Press.
- Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв. [Ananyin O., Khaikulov R., Shestakov D. (2010). Washington Consensus: Landscape after the Battles] // *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 15–27.
- Балацкий Е.В. (2003). Инвариантность фискальных точек Лаффера [Balatsky E.V. (2003). Invariance of Laffer Fiscal Points] // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 62–71.
- Баликоев В.З. (2014). Идеология в экономической теории: за или против [Balikoev V.Z. (2014). Ideology in Economic Theory: For or Against] // *Инновационная экономика и общество*. № 3. Т. 5. С. 2–8.
- Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. (2018). *Идеология в науке* [Baranets N.G., Verevkin A.B. (2018). Ideology in Science]. — Ульяновск: УлГУ.
- Брокмейер Й., Харре Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [Brockmeyer J., Harre R. (2000). Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm] // *Вопросы философии*. №3. С. 29–42.
- Бузгалин А.В. (2009). Социализм: методолого-теоретические проблемы исследования [Buzgalin, A.V. (2009). Socialism: methodological and theoretical problems of research] // *Альтернативы*. №11. URL: <https://alternativy.ru/ru/content/socializm-metodologo-teoreticheskie-problemy-issledovaniya> (дата обращения 05.08.2024).
- Букач В.А. (2014). Анализ реалистичности абстракции и риторики убеждения кривой Лаффера [Bukach V.A. (2014). Analysis of the Realism of Abstraction and Rhetoric of Persuasion of the Laffer Curve] // *Экономическая теория в XXI в.: поиск эффективных механизмов хозяйствования: Материалы междунар науч.-практ. конф.* / И.В. Зеньковая (ред.) URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/18832>.
- Васильев В.С. (2009). Конец эры академических экономистов [Vasiliev V.S. (2009). The End of the Era of Academic Economists] // *США. Канада*. №7. С. 3–22.
- Воейков М.И. (2023). Государственный патернализм и народнохозяйственное планирование [Voeykov M.I. (2023). State paternalism and national economic planning] // *Вестник МФЮА*. №3. С. 9–17.
- Вольчик В.В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики [Volchik V.V. (2022). To the issue of the theory and methodology of narrative economics] // *Вопросы теоретической экономики*, №3. С. 31–46.

- Вольчик В.В. (2023). Идеи, символы и нарративы для экономического развития России [Volchik V.V. (2023). Ideas, symbols and narratives for the economic development of Russia] // *Russian Journal of Economics and Law*. Т. 17. № 1. С. 5–22. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.
- Вольчик В.В., Ширяев И.М. (2024). Идеологические нарративы либерализма и социализма в экономической науке [Volchik V.V., Shiriaev I.M. (2024). Ideological narratives of liberalism and socialism in Economics] // *Russian Journal of Economics and Law*. Т. 18. №3. С. 577–592. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.000-000.
- Гафаров Б.Н. (2011). Кривая Филлипса и становление рынка труда в России [Gafarov B.N. (2011). The Phillips Curve and the Formation of the Labor Market in Russia] // *Экономический журнал Высшей школы*. № 2. С. 155–176.
- Глазьев С.Ю. (1998). «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России [Glazyev S.Yu. (1998). «Washington Consensus» and Scientific and Technological Progress in Russia] // *Экономическая наука современной России*. №5. С. 39–46.
- Ефимов В.М. (2016). *Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики* [Yefimov V.M. (2016). *Economic science in question: other methodology, history and research practices*]. — М.: КУРС: ИНФРА-М.
- Казаков И.В. (2023). Происхождение и классификация политических идеологий: междисциплинарный подход. [Kazakov I.V. (2023). The Origins and classification of ideologies: a multidisciplinary approach] // *Политическая наука*. №1. 322–337. DOI: 10.31249/poln/2023.01.14.
- Капелюшников Р.И. (2022). Приключения «неолиберализма». Серия WP3 «Проблемы рынка труда» [Kapeliushnikov R.I. (2022). The Adventures of «Neoliberalism». Series WP3 «Labour Markets in Transition»]. — М.: НИУ ВШЭ.
- Кара-Мурза С.Г. (2002). *Идеология и мать её наука*. [Kara-Murza S.G. (2002). *Ideology and Its Mother Science*]. — М.: Алгоритм.
- Клисторин В.И. (2015). Социализм с экономической точки зрения [Klistorin V.I. (2015). Socialism from an economic point of view] // *Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия: Социально-экономические науки*. Т. 15. Вып. 3. С. 95–101.
- Колганов А.И. (2012). *Что такое социализм? Марксистская версия* [Kolganov A.I. (2012). *What is socialism? Marxist version*]. — М.: ЛИБРОКОМ.
- Мазур Ю.А. (2007). *Модели динамики экономического роста с учётом налогового фактора* [Mazur Yu.A. (2007). *Models of Economic Growth Dynamics Taking into Account the Tax Factor*]. — Донецк: Институт экономики промышленности.
- Мау В. (1999). Российские экономические реформы глазами западных критиков [Maui V. (1999). Russian Economic Reforms through the Eyes of Western Critics] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 4–23.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х [Nureev R.M., Orekhovsky P.A. (2021). Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s] // *Журнал экономической теории*. Т. 18. № 2. С. 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2.
- Ореховский П.А. (2020). *Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.)*: Научн. докл. Препринт. [Orekhovsky P.A. *Socialism and the Left Utopia in the XXI Century (C. Crouch, T. Picketty, N. Srnichek, A. Williams and others)*]. — М.: Институт экономики РАН.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории [Polterovich V.M. (1998) The Crisis of Economic Theory] // *Экономическая наука современной России*. №1. С. 46–66.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегии социально-экономического развития: наука против идеологии [Polterovich V.M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 55–65.
- Пороховский А.А. (2022). СССР как вектор развития [Porokhovsky A.A. (2022). USSR as a Vector of Development] // *Вопросы политической экономики*. № 4. С. 24–26.
- Соколов М. (2010). Фантом в теории, или кривая Лаффера [Sokolov M. (2010). Phantom in Theory, or the Laffer Curve] // *Экономист*. № 2. С. 45–53.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология // *Философия экономики: Антология / Д. Хаусман (ред.)* [Schumpeter J. (2012). Science and ideology]. — М.: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.
- Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 (1998) / Е.Т. Гайдар (ред.)*. [The Economy of the Transition Period: Essays on the Economic Policy of Post-Communist Russia, 1991–1997 (1998)]. — М.: Институт экономических проблем переходного периода.
- Якимова Е.В., Пономарева А.М. (2019). Неолиберализм и homo neoliberalus под прицелом социологической и психологической критики [Yakimova E.V., Ponomareva A.M. (2019). Neoliberalism and homo neoliberalus through the prism of sociological and psychological criticism: introduction to the thematic section] // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал*. С. 6–23. DOI: 10.31249/RSOC/2019.02.01.
- Akerlof G.A., Snower D.J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 126. Pp. 58–71. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.021.
- Canguilhem G. (1988). *What is a scientific ideology. Ideology and Rationality in the History of the Life Sciences*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Denzau A.T., North D.C. (1994). Shared mental models: Ideologies and institutions // *Kyklos*. No. 47. Pp. 3–31.

- Dumont L. (1980). *Homo hierarchicus: the caste system and its implications*. — Chicago: Chicago University Press.
- Gordon R.J. (2011). The History of the Phillips Curve: Consensus and Bifurcation // *Economica*. Vol. 78 No. 309. Pp. 10–50. DOI: 10.1111/J.1468-0335.2009.00815.X.
- Hodgson G. (2019). *Is There a Future for Heterodox Economics? Institutions, Ideology and a Scientific Community*. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Kaźmierczyk J. (2018). Is Neoliberalism Alive? Principles and the Washington Consensus // *Economic and Law Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. 212–225. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-1-212-225.
- Kurien C.T. (2019). *Pluralistic Economics and Its History*. — New York: Routledge.
- Laffer A.B., Seymour J.P. (1979). *The economics of the tax revolt: a reader*. Working Paper. — N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich.
- North D.C. (1994). Economic performance through time // *American Economic Review*. Vol. 84. No. 3. Pp. 359–368.
- Robbins J. (2007). Between reproduction and freedom: morality, value, and radical cultural change // *Ethnos*. Vol. 72. No. 3. Pp. 293–314.
- Robbins J. (1994). Equality as a Value: Ideology in Dumont, Melanesia and the West // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. No. 36. Pp. 21–70.
- Roy R.K., Denzau A.T. (2020). Shared mental models: Insights and perspectives on ideologies and institutions // *Kyklos*. Vol. 73. Is. 3. Pp. 323–340. DOI: 10.1111/kykl.12244.
- Samuels W.J. (1992). *Ideology in Economics. Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. — London: Palgrave Macmillan.
- Samuelson P.A., Solow R.M. (1960). Analytical Aspects of Anti-inflation Policy // *The American Economic Review*. Vol. 50. Is. 2. Pp. 177–194.
- Sauerland D. (2015). Ideologies, Institutions, and the New Institutionalism. // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / J.D. Wright (ed.). — Amsterdam: Elsevier Ltd. Pp. 561–572. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.63109-4.
- Shiller R.J. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*. Vol. 107. Is. 4. Pp. 967–1004. DOI: 10.1257/AER.107.4.967.
- Shiller R.J. (2019). *Narrative Economics*. — Princeton University Press. DOI: 10.1515/9780691189970.
- Shiller R.J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now // *Journal of Policy Modeling*. Vol. 41. No. 3. Pp. 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015.
- Steels L. (2022). Towards meaningful human-centric AI // *Foundations for meaning and understanding in human-centric AI*. — Venice: Venice International University. Pp. 5–28.
- Summa R., Braga J. (2020). Two routes back to the old Phillips curve: the amended mainstream model and the conflict-augmented alternative // *Bulletin of Political Economy*. Vol. 14. No. 1. Pp. 81–115.
- Turner R. (2008). *Neo-liberal Ideology. History, concepts and policies*. — Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Vries P. de (2023). *New Institutional Economics as Situational Logic: A Phenomenological Perspective*. — NY: Routledge Taylor & Francis Group. DOI: 10.4324/9781315764221.
- World Bank. (2014). *Mind, society, and behavior: World Development Report 2015*. Washington: World Bank.

Вячеслав Витальевич Вольчик

volchik@sfedu.ru

Vyacheslav Volchik

DSc in Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don

volchik@sfedu.ru

Фурса Елена Владимировна

efursa@sfedu.ru

Elena Fursa

PhD in Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don

efursa@sfedu.ru

IDEOLOGY AND THEORETICAL NARRATIVES IN ECONOMICS³

Abstract. The article develops narrative economics approaches to analyzing ideology as an important component of theoretical narratives in economic science. On the one hand, many economists cannot eliminate the influence of ideology on scientific research. On the other hand, ideology continues to be considered as something that rather hinders objective scientific research. However, through the prism of mental models, ideologies directly related to actors' collective and individual interests form a worldview relevant to adherents of a particular ideological position or attitude. In this article, the authors offer a working definition of ideology based on North's approach to defining ideology. Ideologies are shared mental models for groups of individuals. Through mental models, groups of individuals explain the supposed and real connections between means and results for implementing policies aimed at transforming society. Of key importance are groups of individuals (scientific schools, political organizations, etc.) and their actions to establish and promote supposed or real connections between means and results. Ideology in social sciences often takes the form of theoretical narratives, one of the research narratives used in narrative economics. The theoretical narrative in economic theory differs significantly from the narratives linguists work with. For economists who use the concept of narrative, first of all, it is essential to know what ideas, morals or rules are transmitted along with history or narrative. Here, it is vital to understand how theoretical components or simplified models are related to historical or national contexts. Theoretical narratives are either closely related to or include elements of historical narratives. Together with theoretical ones, historical narratives allow us to reconstruct and create explanations of critical historical events to promote a particular ideological agenda. Using the ideologies of socialism and neoliberalism as an example, the authors examine theoretical narratives that have an ideological component and are used to justify the economic policy and explain important development patterns of the Russian economic order.

Keywords: *ideology, economics, theory, narratives, mental models, scientific schools.*

JEL: B2, B4, E6, P5.

³ This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/> "Ideological landscape of Russian economic science" at Southern Federal University.